

ОДИССЕЙ

2009

Путешествие как историко-культурный феномен

Время и exempla

**Средневековые визионеры
и визионерская литература**

**Террор Ивана Грозного
в культурно-символической
интерпретации**

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
ОЕ-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор
А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА,
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. ИВАНОВ,
Жак Ле ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук И.Г. КОНОВАЛОВА,
доктор исторических наук С.И. ДАНЧЕНКО

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989–.

2009 : Путешествие как историко-культурный феномен / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2010. – 000 с. – ISBN 978-5-02-037586-4.

Главная тема выпуска – феномен путешествий в разных культурах, его роль в социальной, интеллектуальной, религиозной и других сферах жизни. Представлены материалы о разных типах путешествий (паломничество, миссия, исследовательское путешествие), охватывающие период от античности до XX века. Обсуждаются вопросы межкультурных коммуникаций в ходе путешествия, статуса и образа путешественника в разных культурах, семантики и поэтики рассказов о путешествиях. Также в сборнике представлены статьи о времени в средневековых проповеднических притчах (exempla). Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей. О средневековых представлениях о страшном суде и другие материалы. Публикуются рецензии на новые издания по истории, вышедшие в России и за рубежом.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов в области гуманитарного знания и более широкой аудитории.

По сети “Академкнига”

ISBN 978-5-02-037586-4

- © Институт всеобщей истории РАН, 2010
- © Лучицкая С.И., составление, 2010
- © Коллектив авторов, 2010
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания, 2010)
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕР

А.В. Толстиков, О.Е. Кошелева

НОМО VIATOR.....

А.В. Подосинов

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АНТИЧНОЙ ОЙКУМЕНЕ: О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В “ХОРОГРАФИИ” ПОМПОНИЯ МЕЛЫ

Ф.Д. Прокофьев

PEREGRINATIO В ОКЕАНЕ: АЛЛЕГОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ В “ПЛАВАНИИ СВЯТОГО БРЕНДАНА”

Т.Н. Джаксон

ХОЛЬМГАРДСФАРИ, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО

С.И. Лучичкая

ПУТЕШЕСТВИЕ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ В XII–XIII вв.: ОЧЕРК ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

О.И. Тогоева

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК МИССИЯ В ЭПОПЕЕ ЖАННЫХ Д’АРК.....

А.А. Пименова

ПУТЕШЕСТВЕННИК, “ФИЛОСОФЫ” И “ДОБРЫЕ ДИКАРИ”: ЭКСПЕДИЦИЯ Ж.-Ф. ДЕ ЛАПЕРУЗА, 1785–1788 гг.

С.Е. Федоров

“УВИДЕТЬ ПАРИЖ И...”: ПУТЕВВЫЕ ЗАМЕТКИ ЮНОГО АНГЛИЧАНИНА

А.В. Лазарев

ПАРИЖ ИНОСТРАНЦЕВ ЭПОХИ ARS ARODEMICA (1570–1670).....

М.В. Лескинен

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОДНОЙ СТРАНЕ: ОПИСАНИЕ КАК СПОСОБ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ. ФИНЛЯНДИЯ И ФИННЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ З. ТОПЕЛИУСА

Г.П. Мельников

“ИЗ ЧЕХИИ АЖ НА КРАЙ СВЕТА”: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНТЕНЦИИ МАЛОГО НАРОДА

К.А. Левинсон

ОБ ОДНОЙ ВЫПАВШЕЙ СТРАНИЦЕ ЧЕЛЮСКИНСКОЙ ЭПОПЕИ..

А.В. Толстиков

ИСПЫТАНИЕ ТЕРПЕНИЯ: ПОЭТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗЛОКЛЮЧЕ-
НИЙ ШВЕДСКОГО ПОСОЛЬСТВА В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVI в...

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

ПИСЬМО В.Я. ПРОППА И.П. ЕРЕМИНУ О “ПОВЕСТИ ВРЕМЕН-
НЫХ ЛЕТ” (*Предисловие и публикация Б.С. Кагановича*).....

О ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ. ДОКЛАД Н.А. СИДОРОВОЙ НА ЗАСЕ-
ДАНИИ СЕКТОРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ В ИНСТИТУТЕ
ИСТОРИИ АН СССР, 1949 г. (*Предисловие и публикация А.Р. Горяинова*) ..

И.Г. Галкова

СОН РАЗУМА.....

Ю.П. Зарецкий

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТУЗЕМЦА

К.А. Левинсон

ПОЧЕМУ Я НЕ КОММЕНТАТОР.....

И.Г. Галкова

О ТУЗЕМНОМ НАСЛЕДСТВЕ.....

О.Е. Кошелева

ДОКЛАД Н.А. СИДОРОВОЙ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙ-
СКОГО.....

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ж.-К. Шмитт

EXEMPLA И ВРЕМЯ (*перевод с французского И.Г. Галковой*).....

М.РН Майзульс

РЕАЛЬНОСТЬ СИМВОЛА И СИМВОЛ РЕАЛЬНОСТИ В ВИЗИОНЕР-
СКОМ ОПЫТЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

РЕЦЕНЗИИ

К.Ю. Ерусалимский

МЕЖДУ КАНОНИЗИРОВАННЫМИ И ДЕМОНИЗИРОВАННЫМИ:
ТЕРРОР ИВАНА ГРОЗНОГО В КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ (*рассуждения над книгой А.А. Булычева*)

<i>Булычёв А.А.</i> Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.....	
<i>С.И. Лучицкая</i>	
“ОЧИСТИТЕЛЬНЫЙ ОГОНЬ” В СРЕДНЕВЕКОВОМ НЕМЕЦКОМ ИСКУССТВЕ.....	
<i>Вегман С.</i> На пути к небу. “Очистительный огонь” в немецком средневековом искусстве. Кёльн; Веймар; Вена, 2003.....	
<i>С.И. Лучицкая</i>	
СЛОВО-ОБРАЗ-ТЕКСТ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ	
<i>Кургиманн М.</i> Слово-образ-текст. Исследования о медиальности в высокое Средневековье и раннее Новое время. Баден-Баден, 2006–2007. Т. 1–2	
<i>М.Ю. Парамонова</i>	
НОВАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, НАПИСАННАЯ ИСТОРИКОМ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
<i>Боргольте М.</i> Христиане, иудеи и мусульмане. Наследие Античности и подъем Запада. 300–1400 гг. Мюнхен, 2006.....	
SUMMARIES.....	
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	

CONTENTS

TRAVEL AS CULTURAL AND HISTORICAL PHENOMENON

A.V. Tolstikov, O.Ye. Kosheleva

HOMO VIATOR

A.V. Podossinov

TRAVELLING THE ANCIENT ECUMENE: THE STRUCTURE
PRINCIPLES OF GEOGRAPHICAL DESCRIPTION IN POMPONIOUS
MELA'S *DE CHOROGRAPHIA*.....

F.V. Prokofiev

ALLEGORY AND REALITY IN *NAVIGATIO SANCTI BRENDANI*.....

T.N. Jackson

THE TRAVEL FORMULA' OF ICELANDIC SAGAS.....

S.I. Luchitskaya

TRAVELLING TO THE HOLY LAND IN THE TWELFTH AND
THIRTEENTH CENTURIES: A STUDY IN THE HISTORY
OF EVERYDAY LIFE

C.I. Togoeva

TRAVEL AS MISSION IN THE JOAN OF ARC EPIC

L.A. Pimenova

THE TRAVELER, THE 'PHILOSOPHERS' AND THE 'GOOD SAVAGES':
JEAN-FRANÇOIS DE LA PÉROUSE'S EXPEDITION OF 1785–1788....

S.Ye. Fyodorov

"TO SEE PARIS AND...": A YOUNG ENGLISHMAN'S TRAVEL
DIARY.....

A.B. Lazarev

PARIS AS VIEWED BY FOREIGNERS IN THE TIME OF *ARS
APODEMICA* (1570–1640)

M.V. Leskinen

TRAVELLING THROUGH ONE'S OWN HOME COUNTRY:
DESCRIPTION AS A MEANS OF REPRESENTING THE NATION.
FINLAND AND THE FINNS AS DEPICTED BY ZACHARIAS
TOPELIUS

G.P. Melnikov

'FROM BOHEMIA TO THE ENDS OF THE EARTH'? A SMALL
NATION'S GLOBAL INTENTIONS.....

K.A. Levinson

A LOST PAGE OF THE *CHELYUSKIN* EPIC

A.V. Tolstikov

A TEST OF PATIENCE: A POETICAL DESCRIPTION OF THE
TRIBULATIONS SUFFERED BY A MID-SEVENTEENTH CENTURY
SWEDISH EMBASSY TO RUSSIA

HISTORIAN AND TIME

VLADIMIR PROPP'S LETTER TO IGOR YEREMIN (*B.S. Kaganovich's
publication*)

ON TRADITIONALISM. PAPER PRESENTED BY NINA SIDOROVA
AT A MEETING OF THE DEPARTMENT OF THE HISTORY OF THE
MIDDLE AGES, INSTITUTE OF HISTORY, ACADEMY OF SCIENCES
OF THE USSR, IN 1949 (*Publication and introduction by A.N. Gorvainov*)

I.G. Galkova

THE SLEEP OF REASON

Yu.P. Zaretskiy

FROM THE NATIVE POINT OF VIEW.....

K.A. Levinson

WHY I AM NOT TO COMMENT ON THIS

I.G. Galkova

ON NATIVE HERITAGE

O.Ye. Kosheleva

NINA SIDOROVA'S PAPER AND THE HISTORY OF THE RUSSIAN
STATE.....

THE RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES

J.-C. Schmitt

EXEMPLA AND TIME.....

M.R. Maizuls

THE REALITY OF SYMBOL AND THE SYMBOL OF REALITY
IN THE VISIONARY EXPERIENCE OF THE MIDDLE AGES

REVIEWS

K.Yu. Yerusalimskiy

CANONIZED OR DEMONIZED: IVAN THE TERRIBLE'S TERROR
AS INTERPRETED IN TERMS OF CULTURAL SYMBOLS

Bulychov A.A. Between saints and demons. Notes on the postmortem fate
of persons persecuted by Ivan the Terrible. Moscow, 2005.....

S.I. Luchitskaya

'THE PURIFYING FIRE' IN GERMAN ART

Wegmann S. Auf dem Wee zum Himmel. Das Fegefeuer in der deutschen Kunst
des Mittelalters. Köln – Weimar; Wien, 2003

S.I. Luchitskaya

WORD–IMAGE–TEXT IN THE MEDIEVAL CULTURE

Curschmann M. Wort–Bild–Text. Studien zur Medialität des Literarischen
in Hochmittelalter und früher Neuzeit. 2. Bde. Baden-Baden, 2006–2007

M.Yu. Paramonova

A HISTORY OF THE MIDDLE AGES WRITTEN BY A GLOBALIZATION
ERA HISTORIAN

Borgolte M. Christen, Juden, Muselmanen. Die Erben der Antike und
der Aufstieg des Abendlandes 300 bis 1400 nach Christus. München, 2006

SUMMARIES.....

SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....

А.В. Толстиков

ИСПЫТАНИЕ ТЕРПЕНИЯ:
ПОЭТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗЛОКЛЮЧЕНИЙ
ШВЕДСКОГО ПОСОЛЬСТВА В РОССИИ
СЕРЕДИНЫ XVII в.*

Возможно, однако, что автор – столь же хороший историк, сколь и поэт, и главная ценность книги заключается в ее редкости.

Ю.Х. Лиден

Взятое в качестве эпитафии язвительное замечание было сделано известным шведским биографом и библиографом Юханом Хинриком Лиденом (1741–1793)¹ в адрес анонимного автора книги, опубликованной в 1659 г. без указания места издания и под типичным для той эпохи длинным названием: “Unbemannte Gedult, oder Trost-Gedancken, in zustossenden Unglück und Gefängnus: welcher Gestalt sich ein Mensch darinnen verhalten und aufrichten solle; zu nebst Gefängnis-Seufftzen, etlicher geistlicher, umb Erlösung anhaltender Lieder; alles in moskowitischer langwierigen Verhaffung und erlittenen Elende überwogen und in gebundener Rede gefasset von einen Liebhaber der hochlöblichen Fruchtbringenden Gesellschaft, С. К. V. Н.” («Непокоренное терпение, или утешительные размышления в несчастии и заточении: каким образом оказавшемуся в них человеку надлежит держаться и ободрять себя; равно и вздыхания по поводу заточения, некоторые духовные, об избавлении взывающие песни; все обдуманно и облечено в поэтическую форму во время длительного московитского пленения, в период лишений, любителем почтенного “Плодоносного общества”², С. К. V. Н.»)³. Мнение Лидена во многом справедливо. Действительно, стихи, вошедшие в названную книгу, не отличаются художественными достоинствами⁴. Не избежал автор и некоторых фактических ошибок – причем именно там, где он претендовал на достоверность. Тем не менее издание это представляет интерес для историка, и отнюдь не только потому, что книга и в самом деле является библиографической редкостью.

Во-первых, любопытны обстоятельства, приведшие к ее появлению и ярко в ней описанные. Речь идет о поездке в Россию шведского посольства, которое из-за начала русско-шведской вой-

*

ны (1656–1658) было взято под стражу и в итоге оказалось вынуждено провести в Москве более двух лет. Этот эпизод весьма характерен с точки зрения истории контактов России со Швецией. При этом важно, что он отразился в различных источниках, сообщения которых мы можем сопоставить со сведениями “Непокоренного терпения”. Злоключения шведских послов являются примером специфических трудностей, с которыми могли столкнуться посещавшие Московию путешественники, – а посольство, по моему мнению, является именно видом путешествия. По крайней мере, если говорить о западноевропейских посольствах в Россию в XVI–XVII вв.

Во-вторых, интересна литературная сторона дела: как я постараюсь показать, “Непокоренное терпение” – точнее говоря, его первая, “историческая”, часть – имеет отношение к так называемой путешественной поэзии (англ. travel poetry, нем. Reisedichtung), т.е. к описанию в стихах реально совершенных автором путешествий, его впечатлений от них и т.п. Рассмотренный в контексте этой традиции, наш текст дает пищу для размышлений над тем, каким причудливым образом в раннее Новое время в рассказах о путешествиях могли сочетаться самые разные – иногда, с нашей точки зрения, просто несовместимые друг с другом – мотивы и тенденции.

Для начала остановимся подробнее на событиях, послуживших поводом к созданию “Непокоренного терпения”. Шведское посольство, насчитывавшее в общей сложности около 140 человек, отплыло из Стокгольма 20 июля⁵ 1655 г. Возглавляли миссию член риксрода (государственного совета) Швеции барон Густав Бьельке (1618–1661; именно он был назначен первым послом), член дворянского совета при губернаторе Эстляндии генерал-майор Александр фон Эссен (1594–1664), а также бургграф Нарвы и коммерц-директор Эстляндии и Ингерманландии Филипп Крусиус фон Крузенштерн (или по-шведски Крусеншерна; 1597–1676), выполнявший функции в первую очередь торгового эксперта посольства⁶. Послы должны были подтвердить условия Столбовского мира 1617 г. – в связи со вступлением на шведский престол Карла X Густава (1654–1660), убедить русское правительство не заключать перемирие с Польшей (войну с которой только что начала Швеция) и постараться выяснить, возможен ли русско-шведский союз (направленный опять-таки против Польши)⁷.

Уже через три дня Бьельке и фон Эссен со свитой прибыли в Ригу (фон Крузенштерн присоединился к ним только через полтора месяца, 15 сентября, в Нейгаузене, уже по дороге к российской границе). В Риге послы оставались до начала сентября, так

как им предписывалось дожидаться, пока шведская армия во главе с Карлом X Густавом достигнет пределов Речи Посполитой, откуда король должен был дать своим дипломатам новые указания⁸. Снова тронулись в путь 7 сентября и пересекли русско-шведскую границу 18 сентября в районе деревни Меузица, принадлежавшей Псково-Печорскому монастырю. Далее путь лежал через Псков (20 сентября), Новгород (1 октября), Валдай (11 октября), Вышний Волочек (14 октября), Торжок (17 октября) и Тверь (19 октября). В Москву посольство торжественно въехало 28 октября⁹.

Алексея Михайловича в тот момент в столице не было – он только в сентябре покинул расположение русской армии под Вильно (шла война с Польшей) и еще не успел вернуться. Поэтому аудиенция и, соответственно, начало переговоров откладывались. Царь прибыл в Москву лишь 10 декабря, причем послы имели возможность наблюдать церемонию встречи самодержца. Довольно быстро шведам стало очевидно, что русские власти не очень им благоволят, во всяком случае – гораздо меньше, чем находившемуся в то же время в Москве имперскому посольству Теодора Лорбаха и Аллегретто Аллегретти (придворного священника императора Фердинанда III)¹⁰. Лорбах с Аллегретти побывали на приеме у царя первыми, уже 15 декабря. До шведов же очередь дошла только через четыре дня. И когда начались переговоры (23 декабря), сразу же вспыхнули споры, в частности, по вопросу о признании нового титула Алексея Михайловича – титула, отражавшего территориальные приобретения, которые были сделаны в ходе войны с Речью Посполитой¹¹. Хотя споры на шведско-русских переговорах всегда были обычным делом, в данном случае это оказался дурной знак для шведов, и в последующие месяцы ситуация только осложнялась. 20 марта 1656 г. Г. Бьельке сообщал в Стокгольм о крупных военных приготовлениях в России и отмечал, что русские, по всей видимости, готовятся к войне со Швецией¹².

Похоже, к этому времени в Москве окончательно решили заключить перемирие с Речью Посполитой (гонимый Ф. Зыков был отправлен с соответствующим предложением в Польшу в апреле 1656 г.) и открыть боевые действия против Швеции. Причины такого решения по-разному трактуются историками, иностранцы же, бывшие современниками событий (прежде всего шведы), нередко называли виновником произошедшего патриарха Никона¹³. И, по-видимому, роль его в развязывании войны с иноверцами под лозунгом защиты православных действительно была велика, хотя важны были и стратегические соображения русского правительства¹⁴.

Шведские послы понимали, что ситуация ухудшается и что над ними сгущаются тучи. Вдобавок ко всему многие из участников посольства начали испытывать нехватку средств – у них не было денег на новую одежду, при том что старая изнашивалась за зиму. Раздражение у шведов вызывало также качество еды. Не способствовало повышению их настроения и ограничение свободы передвижения: членов посольской свиты отпускали со двора лишь небольшими группами по 4–5 человек, причем не позволяли перемещаться в санях или каретах и следили, чтобы шведы не выезжали за пределы города. В марте 1656 г. им вообще запретили покидать подворье и посещать немецкую слободу (куда они до тех пор периодически наведывались)¹⁵. Это был уже явный признак нерасположения властей. Однако встречи с русскими дипломатами не прекращались.

Немало времени шведы проводили в беседах со своими приставами, которые были для послов важным источником информации о России, ее отношениях с соседями, ее истории и т.д. Любопытно, что в нашем случае эти беседы нередко носили богословский характер. Например, в черновике официального посольского отчета упоминается о споре между переводчиком Юнасом Брандтом и приставом относительно возможности для христианина, бреющего бороду, попасть в рай (21 января 1656 г.). Разговоры на сходные темы имели место и 5 февраля того же года (в тот раз обсуждали почитание икон – к сожалению, подробности не сообщаются), а затем 24 февраля и 20 марта. Продолжались они, кстати, и после взятия шведов под стражу: 17 мая 1656 г. пристав рассказал легенду об апостоле Андрее, принесшем на Русь христианство, а 13 августа 1657 г. поведал об Успении Богородицы¹⁶. В дневнике неизвестного участника посольства тоже есть упоминания об этих диспутах¹⁷. По-видимому, в данном случае важную роль сыграла словоохотливость и заинтересованность самих приставов, прежде всего – Якова Ивановича Загряжского¹⁸. Хотя, очевидно, и шведы проявляли не меньший интерес, иначе сведения о беседах на столь серьезные и, казалось бы, отвлеченные темы, конечно, не попали бы на страницы официального отчета.

Радикальные перемены в положении посольства наступили в мае 1656 г. 15 мая Алексей Михайлович покинул Москву во главе войска, направлявшегося на войну со Швецией. В тот же день двор, на котором размещались шведы (судя по всему, это был посольский двор в Китай-городе), окружили стрельцы, а 18 мая приставы зачитали послам грамоту, в которой подданные Карла X Густава обвинялись в организации беспорядков на границе и нападениях на подданных царя. Тогда же послам объявили об уменьшении

их продовольственного снабжения на две трети (“корм” несколько увеличили только 15 июня – и то лишь до половины изначального объема). 20 мая пристава явились в сопровождении вооруженных стрельцов и отобрали у членов посольства все оружие. Наконец 24 мая шведов перевели на другой двор, в Замоскворечье¹⁹. С этого момента началось их “московитское пленение”.

Продолжалось оно до весны 1658 г. Все это время члены посольства испытывали серьезные материальные трудности – нехватку продовольствия, денег и лекарств. Причем все просьбы улучшить снабжение под разными предлогами отклонялись властями. На начало июля 1657 г. четверо или пятеро членов свиты умерли. Шведам пришлось продавать часы и другие ценные вещи, чтобы иметь возможность покупать провизию (кстати, за едой со двора выпускали только по одному и только в сопровождении стрельцов). Послам также не позволяли писать своему королю и перехватывали депеши, которые те пытались отправить тайне от русских. Сами пленники тоже не получали писем, главным источником информации для них по-прежнему оставались представители властей. Так, только от пристава послы узнали, что “московиты” атаковали шведские войска. 16 февраля 1657 г. об успехах русских в Лифляндии сообщил послам посетивший их думный дьяк Алмаз Иванов.

Лишь летом 1657 г. шведам объявили, что они могут отправить Карлу X Густаву послание. К тому моменту русское правительство, не добившись результатов, на которые надеялось, начиная войну, готово было прекратить боевые действия. Гонец, гоф-юнкер Конрад фон Бернер, уехал из Москвы с письмом 25 октября. 11 апреля 1658 г. Алексей Михайлович “пожаловал” шведов – им был послан “стол”. Через несколько дней (16 апреля) вернулся с письмом от короля фон Бернер, и 19 апреля Алмаз Иванов провел переговоры с послами. 25 апреля шведам было объявлено, что царь позволит им уехать из Москвы. Через четыре дня их перевели на другой двор – туда, где в свое время размещалось имперское посольство Лорбаха и Аллегретти. Наконец, после того как были согласованы предварительные условия перемирия, послы отпустили из Москвы (без прощальной аудиенции у царя). Это произошло 29 мая 1658 г.

По мере приближения к границе шведы все больше опасались, что русские власти все-таки не позволят им покинуть страну. Выехав из Новгорода, послы старались двигаться водным путем, чтобы их было сложнее перехватить. Из Нарвы на границу даже выдвинулся вооруженный отряд для защиты посольства. Поэтому появление нескольких русских караульных, которые по пятам

следовали за шведами, сильно напугало последних. Они считали, что едва успели избежать возвращения в неволю. В Нарву послы прибыли 30 июня и только здесь, наконец, почувствовали себя в безопасности. Так завершилась их нелегкая и опасная поездка²⁰. Чуть позже, 20 декабря 1658 г., между Швецией и Россией было заключено Валиесарское перемирие сроком на три года. Оно сохраняло за Россией некоторые территориальные приобретения в Лифляндии. Но окончательно итоги войны были подведены только Кардисским мирным договором 21 июня 1661 г. Он был подписан в другой внешнеполитической ситуации, и по нему России пришлось вернуть все ранее захваченные земли²¹.

Посольство в Москву, похоже, произвело сильное впечатление на его участников. Во всяком случае, те из них, чьи свидетельства до нас дошли, утверждали, что пережили нелегкое испытание. Сохранилась копия составленного Г. Бьельке уже по возвращении, 23 июля 1659 г., списка тех членов посольства, кто, по его мнению, заслужил право на материальную компенсацию за свою службу и все тяготы, которые им пришлось вытерпеть в “плёну” (в документе используется слово “fängellse”, буквально – “тюрьма”), продолжавшемся два с половиной года, – очевидно, “плёном” считался уже почти весь период пребывания послов в России. Всего в списке 32 имени²².

Нет ничего необычного в том, что описанные события послужили источником поэтического вдохновения для автора “Непокоренного терпения”. Как уже отмечалось, книга форматом ин-октаво была опубликована в 1659 г. В нее вошла, во-первых, большая поэма в пяти книгах (собственно, “Непокоренное терпение”), написанная alexandрийским стихом (она занимает 349 страниц из 416), а во-вторых, 28 отдельных стихотворений, сочиненных по разным поводам и разными размерами (67 страниц). Эти стихотворения представляют собой ламентации по поводу “плёна”, духовные песни (в частности, на темы Троицы, Рождества, страданий Христа), а также благодарственные песни (по поводу освобождения). Их предполагалось исполнять на популярные для такого рода сочинений мелодии (немецкие и шведские).

Автор книги предпочел скрыть собственное имя за аббревиатурой С. К. V. Н. В свое время ее расшифровал известный историк, пастор московской лютеранской церкви св. Михаила Андреас Вильгельм Фехнер (между прочим, его статья, опубликованная в 1885 г., до сих пор остается единственной специальной работой о “Непокоренном терпении”)²³. Он обратил внимание на то, что в вышеупомянутом списке Бьельке от 23 июля 1659 г., а также в списке всех членов посольства (документ был обнаружен Фех-

нером в Московском главном архиве Министерства иностранных дел) среди двенадцати гоф-юнкеров числится некий Кристофер Краус (Christoffer, или Christoff, Kraus). Только его инициалы идеально подошли для расшифровки аббревиатуры, точнее говоря, ее первой половины. Что касается двух последних букв, то V, по мнению Фехнера, едва ли означает что-нибудь, кроме “von”, а H почти наверняка указывает на название местности. Кроме того, Фехнер обратил внимание на два стихотворения, которые были сочинены поэтом в день его рождения в 1657 и 1658 гг.²⁴ Благодаря им мы знаем, что автор “Непокоренного терпения” родился 29 мая 1628 г., т.е. в самый день отъезда из негостеприимной России ему исполнилось тридцать лет. Наконец, выражение “моя Лифляндия”²⁵ наводит на мысль о том, что поэт был выходцем из этой прибалтийской провинции²⁶.

Шведские библиографы также (по всей видимости, независимо от Фехнера) остановились на кандидатуре Крауса, но пошли немного дальше, предположив, что он был сыном фон Крузенштерна²⁷. В этом случае “V.H.” должно означать “von Haggad”, поскольку в полном титуле фон Крузенштерна были слова “Herr auf Haggad (Haggud) und Ahagfer”. Если попытаться восстановить исходную форму латинизированного имени Ф. Крусиуса (кстати, первым вариантом его дворянского имени было не фон Крузенштерн, а фон Круус), то аббревиатуру можно прочесть следующим образом: Christoff Kruus von Haggad²⁸. (Здесь следует учитывать, что Kruus может быть просто нижненемецкой формой той же фамилии²⁹.) С другой стороны, как подчеркивал Леонард Бюгдён, составитель словаря шведских изданий, вышедших анонимно или подписанных псевдонимами (1898–1915), нам ничего не известно о существовании у фон Крузенштерна сына Кристофера³⁰. Так что гипотеза о родстве Крауса/Крууса с фон Крузенштерном кажется сомнительной. Других кандидатов в авторы “Непокоренного терпения” нет, скорее всего, поэму действительно написал гоф-юнкер Кристофер Краус, хотя мы по-прежнему не можем точно сказать, каково было его полное имя и что означают последние две буквы использованной им аббревиатуры³¹. В дальнейшем, говоря “Краус”, я везде буду иметь в виду автора “Непокоренного терпения”.

Перейдем к характеристике текста поэмы. “Непокоренное терпение” – это в первую очередь морально-дидактическое произведение, что ясно уже из ее полного названия (“...каким образом... надлежит держаться и ободрять себя...”). В предисловии к книге Краус заявляет, что все представляемое им на суд читателей он сочинил в период “плена” для собственного утешения и упражнения в стихосложении. По его словам, вытерпеть лишения ему

помогло прежде всего упование на Бога. В конце концов Краус все-таки дождался избавления и решил опубликовать написанное, во-первых, для того чтобы прославить Господа, а во-вторых, чтобы помочь людям, которые, как и сам автор, попали в трудное положение. При этом он просит не судить его слишком строго (текст пестрит традиционными формулами самоуничижения).

Под конец предисловия Краус упоминает о других своих опусах, которые обещает также издать в недалеком будущем: сочинявшиеся им в “плену” в течение целого года воскресные сонеты на евангельские сюжеты (“Sonntägliche auffs gantze Jahr gerichtete Sonnette”), размышления о Рождестве и Страстях Христовых (“Weynacht- und Passions-Gedancken”) и ламентации мирского характера (“weltliche Klage- und Trauer-Sachen”)³². Фехнер полагал, что ни одно из этих произведений так и не было опубликовано³³. Однако вполне возможно, что по меньшей мере некоторые из них вошли в число тех двадцати восьми стихотворений, которые, как упоминалось выше, напечатаны после “Непокоренного терпения”. Во всяком случае, тематические параллели налицо, а предисловие могло быть написано до того, как Краус решил опубликовать вместе с поэмой и прочие свои сочинения.

“Нравоучительная линия” проводится со всей последовательностью во второй, третьей, четвертой и пятой книгах “Непокоренного терпения”. Автор многословно внушает читателю, что потери и утраты не стоят сожаления, особенно если речь идет о таких псевдоценностях, как богатство, власть и т.п.; что истинный христианин не должен быть слишком сильно привязан к вещам; что необходимо неустанно упражняться в добродетелях, чему жизненные трудности и испытания лишь способствуют; наконец, что следует стремиться не к преходящему, а к вечному, т.е. к Богу, которому христианин уподобляется, претерпевая страдания (как Христос – крестную муку)³⁴.

На этом фоне выделяется первая книга “Непокоренного терпения”. На мой взгляд, ее можно рассматривать как отдельное произведение³⁵. Она имеет объективно-повествовательный характер и посвящена в основном истории посольства. Собственно нравоучений в ней практически нет. Нет и четко сформулированной в последних строках морали, тогда как в остальных четырех книгах соответствующие “ударные” фрагменты даже напечатаны более крупным шрифтом. Наконец, особенностью этой части является наличие прозаических авторских комментариев, оформленных в виде концевых сносок (о них чуть ниже).

В то же время первая книга вполне вписывается в общий замысел поэмы, ведь в ней автор на примере из личного опыта по-

казывает, какие испытания могут выпасть на долю человека. Причем приводимые Краусом подробности путешествия в Россию – а в целом его сведения хорошо согласуются с тем, что нам известно по другим источникам, – выступают в тексте прежде всего как свидетельства лишений, которые пришлось перенести членам посольства, а также как доказательства несправедливости действий русских. Поэтому наиболее интересные для современного читателя эпизоды с яркими подробностями, известными только непосредственному участнику событий, связаны с ситуациями, в которых шведские послы предстают людьми чести, вынужденными терпеть оскорбления и издевательства русских, чье поведение противоречит привычным для европейцев нормам.

Так, Краус отмечает, что при пересечении посольством русской границы главе миссии Бьельке “Рутения, дикарка, предложила руку и приняла его неучтиво. Все же здесь ему были оказаны почести – неуклюжего *Buttenwa* (так Краус передает имя русского пристава. – *A.T.*) падение научило, как преклонять колени” (“... *Da ihm Rutenien, die Wilde, both die Hand / Und nahm ihn gröblich an. Nie must' ihm auch zu Ehren / Der plumpe Buttenwa durch ein Umbfall lehren / Ein Fußfall ihm zu thun*”³⁶. В комментарии автор поясняет, что встречавший их на мосту пристав ни в какую не желал спешиваться, пока послы не выйдут из кареты. Согласно распространенным тогда в России представлениям, ступить на землю последним было более почетно, и пристав, таким образом, заботился о “повышении” чести своего государя. Данная особенность русского посольского обычая была хорошо известна в Европе, еще С. Герберштейн хвастался тем, как он в такой ситуации обманул пристава: сначала сделал вид, что сходит с коня, а затем неожиданно для русских – уже стоявших на земле – снова забрался в седло³⁷. Препирательства по поводу порядка спешивания (или выхода из кареты) случались постоянно. Например, посольству Бьельке довелось вновь убедиться в этом уже при въезде в Москву³⁸. Однако редко подобные споры заканчивались столь живописно, как во время пересечения шведским посольством русской границы в районе Меузицы в сентябре 1655 г. Пристав, очевидно, пытавшийся перехитрить шведов и не дать себя обмануть, постоянно привставал в седле, якобы готовясь спешиться. В результате подруга не выдержала и лопнула, а пристав упал с лошади чуть не в воду³⁹. Этот инцидент получил определенную известность в Европе. Например, о нем упоминают Кристиан Кельх в своей “Лифляндской истории” (1695) и – чуть позднее и со ссылкой на Кельха – Иоганн Кристиан Люниг в сочинении по истории церемониала (1719)⁴⁰.

Не может Краус обойтись и без сообщений о перехвате русскими почты послов и об уловках по затягиванию переговоров (к таким уловкам он причисляет и претензии по поводу написания царского титула)⁴¹. Подчеркивая стремление русских ограничить общение членов посольства с проживавшими в Москве иноземцами, он отмечает, что власти не позволили никому из “немцев” (Teutschen) прийти на устроенный шведами 26 января 1656 г. праздник по случаю рождения у Карла X наследника престола⁴². Более того, “московиты” позволяли себе задерживать и обыскивать гостей послов – например, брата вдовы шведского комиссара Юхана де Родеса, возвращавшегося как-то вечером с посольского двора на торговый (кстати, де Родес скончался в декабре 1655 г., и его тело не разрешили отвезти на родину, чтобы там похоронить; Краус не преминул заметить, что “здесь не щадят даже мертвых, которых не хотят отпустить с русской земли” – “Es mussten auch die Todten / Allhier nicht seyn geschont, die man von Reussen Boden / Nicht eins gestatten wolt”)⁴³. Некогого юношу-шведа, поступившего в услужение к кому-то из членов свиты уже в Москве, вообще увели прочь, и больше никто его не видел⁴⁴.

Краус пишет, как отправлявшиеся на войну со Швецией солдаты, проходя мимо посольского двора, осыпали шведов ругательствами⁴⁵. Он не жалеет красок для описания обстоятельств взятия послов под стражу и сообщает при этом любопытные подробности, вроде оскорбительных выкриков из толпы, когда шведов под конвоем вели по Москве на отведенный им новый двор в Замоскворечье; жалкого вида кляч, предоставленных для переезда троим руководителям миссии (все остальные шли пешком); нежелания московских “немцев” смотреть в глаза членам посольства, бредущим в сопровождении вооруженной охраны по улицам города⁴⁶. Еще деталь: позднее, уже в Замоскворечье, шведам как-то пришлось целый день слушать, как по соседству с ними упражнялись русские барабанщики⁴⁷.

В итоге русские предстают у Крауса хитрыми, спесивыми и грубыми варварами. Автор поэмы неоднократно обвиняет их в вероломстве, что неудивительно, так как посольство было задержано в нарушение гарантий безопасности, предварительно данных царем⁴⁸. В принципе, этот набор отрицательных качеств “московитов” весьма традиционен как вообще для западноевропейской “россии” XVI–XVII вв., так и в частности для шведской, которая оказала определяющее влияние на Крауса⁴⁹. Едва ли русские могли бы быть описаны им иначе, учитывая обстоятельства его знакомства с ними и пафос “Непокоренного терпения”.

Впрочем, главным виновником несчастий, обрушившихся на головы шведских послов, Краус называет “иезуита” Аллегретто Аллегретти⁵⁰. Что, кстати, тоже вполне типично: обвинения в адрес иезуитов были обычны для шведской пропаганды периода Смуты и конца 1620–1630-х годов, когда требовалось представить шведского короля как защитника русского православия – “старой греческой религии”; и в 1650-е годы шведские дипломаты на переговорах с русскими нередко использовали “антииезуитскую”, т.е. антикатолическую, риторику, тем более что именно в тот период религиозным факторам в политике Швеции стало придаваться почти то же значение, что и на рубеже 1620–1630-х годов⁵¹. А из русских больше всего достается от Крауса патриарху Никону, которого автор поэмы называет Каином, трогательно поясняя в комментариях, что Cain – это анаграмма имени Nica[n]. Но Никон при всей его злокозненности выступает прежде всего в качестве орудия в руках Аллегретти⁵².

Значительная часть первой книги “Непокоренного терпения” посвящена прославлению главы посольства, Густава Бьельке. Хотя в предисловии Краус подчеркивает, что не намерен льстить своему начальнику (который, вдобавок, не переносит льстецов) и не желает посвящать книгу какому-нибудь знатному лицу в надежде на материальную выгоду⁵³, обилие славословий в адрес Бьельке заставляет усомниться в искренности автора. Возможно, первый посол был патроном Крауса. Между прочим, в числе достоинств Бьельке (помимо дипломатических талантов, красноречия, постоянной готовности поддержать подчиненных и т.п.) упоминается и его богатый опыт путешествий по Италии, Голландии, Англии, Германским землям и Франции, позволивший всесторонне изучить эти страны: “Что разрушает их могущество, / Благодаря чему они поднимаются вновь, каковы их законы и обычаи, / Их особенности и образ действий – все ему известно, / Это он знает не понаслышке. За многие годы / Он все объехал, увидел и испытал, / Подробно исследовал и изучил” (“Was ihre Macht zerresse, / Wodurch sie kom[m]en auff, was ihr Gesetz und Brauch, / Ihr Wesen seyn und Thun, das ist ihm kündig auch, / Das weiß von aussen Er. Er hat in vielen Jahren / Dis alles durch gereist, gesehen und erfahren, / Durchsuchet und erlernt”)⁵⁴.

Правда, излагая генеалогию рода Бьельке, Краус ошибочно называет Биргитту Туресдоттер Бьельке женой короля Карла IX (хотя так звали жену Карла Кнутссона, правившего раньше Карла IX более чем на сто лет), а Гуниллу Бьельке – матерью Юхана III, хотя она была супругой последнего; кроме того, он почему-то причисляет к этому же роду святую Биргитту⁵⁵. Причины

столь грубых ошибок не ясны, но в любом случае они заставляют согласиться с процитированным в самом начале статьи мнением Лидена и прийти к выводу, что слабость поэтического дарования Крауса, увы, не вполне компенсировалась его аналитическими способностями⁵⁶.

Однако в других случаях Краус достаточно точен. В конце первой книги поэмы он обещает коварным русским, что скоро их постигнет возмездие короля Швеции, и со знанием дела перечисляет несколько эпизодов из истории русско-шведских отношений⁵⁷: неудачную осаду Ревеля русскими войсками во время Ливонской войны; военную помощь, оказанную шведами Василию Шуйскому; судьбу шведского изгнанника, сына свергнутого в 1568 г. Эрика XIV, принца Густава, который приехал в Россию по приглашению Бориса Годунова и умер в 1607 г. в Кашине⁵⁸; наконец – что для Крауса особенно важно – печальную участь возглавлявшегося епископом Павлом Юстеном шведского посольства (1569–1572), члены которого по воле Ивана Грозного были публично унижены, ограблены и сосланы в Муром⁵⁹. Здесь же Краус упоминает ряд сюжетов из истории датско-русских отношений, в частности посольство Якоба Ульфельдта в Россию в 1578 г.⁶⁰ Этот экскурс служит цели обличения русских. К уже упоминавшимся их порокам здесь еще добавляется привычка к рабской покорности правителям, которые сами никак не считаются с подданными: “Подданный – враг / Власти; она относится к своему народу так же, / Как волк к овцам” (“Der Unterthan ist Feind / Der Herrschafft; Sie zugleich mit ihrem Volcke meint, / Wie mit dem Schaff ein Wolff”)⁶¹.

Все приводимые им исторические сведения Краус подкрепляет ссылками на известные сочинения Бальтазара Руссова (Рюссова), Жака-Огюста де Ту, Мартина Бера (Конрада Буссова), Петра Петрея, Якоба Ульфельдта⁶². Причем, по словам автора, он хотел и к остальным книгам поэмы напечатать подобного рода примечания со ссылками на труды, которые “смог вспомнить в неволе” (“so viel ich mich in der Hafft erinnern können”), но не сумел сделать этого из-за отсутствия издателя⁶³. Трудно судить о том, насколько правдиво данное утверждение. Вполне возможно, что вторая, третья, четвертая и пятая части поэмы вовсе не были снабжены примечаниями. Сомнительно также, чтобы Краус, делая ссылки, указывал том и соответствующий раздел издания по памяти. Скорее всего, перечисленные выше труды были у него перед глазами. В таком случае интересно, писал он свои комментарии в Москве или уже после возвращения? Хотя последнее исключать нельзя, все-таки, на мой взгляд, мы имеем основания считать, что над примечаниями Краус работал в “плени”.

Дело в том, что упоминаний об освобождении посольства и его отъезде на родину в поэме нет (хотя об этом говорится в некоторых стихотворениях, напечатанных сразу за ней). Едва ли такое было бы возможно, если бы текст поэмы не был готов до того, как произошли изменения в судьбе послов. Можно даже попытаться более точно определить время создания “Непокоренного терпения”. В самом начале первой книги Краус говорит о трех годах, прошедших с момента отречения от престола королевы Кристины (1654)⁶⁴, далее – о двух годах страданий⁶⁵, а последнее по времени событие, упоминаемое в тексте (в примечании), – это Роскильский мир между Данией и Швецией (26 февраля 1658 г.). Причем в последнем случае речь идет о реакции русского правительства на предложения датского посла, допущенного в Россию после получения известия о заключении мира⁶⁶. Таким образом, поэма, по всей видимости, писалась в период с осени 1657 по весну 1658 г. Логично предположить, что и комментарии были написаны тогда же. Кстати, ни в них, ни в предисловии нет ни слова о Валиесарском перемирии, что лишнее раз доказывает нежелание Крауса изменять и дополнять текст своего сочинения при подготовке его к печати.

Если же примечания к первой книге были созданы еще в Москве, то упомянутые в них труды скорее всего входили в число “справочников”, взятых руководителями миссии в поездку, либо являлись личным имуществом кого-то из послов. А значит, отправляясь в поездку в Московию, шведы готовились к своей миссии не только по документам, но и по рассчитанным на широкого читателя печатным изданиям. Последние, возможно, вызывали не только (а может, и не столько) профессиональный интерес дипломатов, сколько более общий интерес любознательных путешественников. В этой связи стоит отметить сообщение Андреаса Валвика, секретаря другого шведского посольства, побывавшего в Москве в 1662 г. Валвик писал, что он и его спутники в ходе поездки в Россию читали знаменитую книгу Адама Олеария и нашли точными ее сведения о “варварских” обычаях москвитов и их “суевериях”⁶⁷.

Автокомментарии Крауса не только демонстрируют начитанность автора. Они также сообщают о его личных жизненных обстоятельствах, совершенно стирая грань между автором и его героем и подчеркивая, что все, о чем идет речь, имело место в действительности. Другими словами, наличие комментариев доказывает, что историческая достоверность для Крауса ничуть не менее важна, чем “поэтичность”. Здесь перед нами встает вопрос о жанровой специфике “Непокоренного терпения” (точнее, пер-

вой книги поэмы). Не чувствуя себя вполне уверенно на профессиональном литературоведческом поле, я все же рискну высказать несколько соображений на этот счет, поскольку, как мне кажется, в противном случае характеристика рассматриваемого сочинения окажется неполной и некоторые принципиально важные моменты будут упущены.

Первая жанровая параллель, которая приходит на ум при знакомстве с текстом “Непокоренного терпения”, – это ламентация. Ведь автор постоянно сокрушается по поводу тягот “московитского плена”, пишет об ужасе и отчаянии, которые то и дело охватывали членов посольства (“...не было никого, / Кто тогда не приготовился бы к смерти” – “...Es war auch Niemand nicht, / Der seinen Sinn alßdann zum sterben nicht gericht”⁶⁸), обращается к Богу (“Даруй нам / Терпение в этой неволе и позволь обрести утешение / Вопреки всем бедам...” – “Ertheil auch unsern Sinnen / In dieser Hafft Gedult, und laß uns Trost gewinnen / Entgegen alle Noth...”⁶⁹). Среди стихов, напечатанных после поэмы, тоже есть вполне типичные ламентации – например, упоминавшиеся выше стихотворения по случаю дня рождения автора в 1657 и 1658 гг. Кроме того, существует несколько текстов, очень похожих на “Непокоренное терпение” по обстоятельствам возникновения и по характеру, причём уже в заголовках этих произведений содержится указание на их принадлежность к жанру ламентации.

Одно из этих сочинений имеет самое прямое отношение к посольству Бельке. Речь идет о поэме торгового эксперта миссии Филиппа фон Крузенштерна “Hertzenss-Seufzen über des Vaterlandes und unsern in der grossen Zaarischen Stadt Moscow über Jahresfrist angehaltenen, hochbetrübtten Zustandt” (“Сердечные вздохи об Отечества и нашем, дрящемся больше года в великом царском городе Москве, печальнейшем положении”). Иногда этот текст упоминается под латинским названием “Suspiria captivitatis moscoviticae”. Он датирован 27 марта 1657 г. В свое время его опубликовал Вениамин (Бенджамин) Кордт⁷⁰. Поэма начинается с восхваления Лифляндии как прекрасной, процветающей страны, которая, однако, подверглась жестокому нападению и разграблению (естественно, подразумевается начало русско-шведской войны). Автор переживает за свою родину⁷¹ и, сидя в плену, вспоминает, как он попал в неволю, несмотря на то что был отправлен в Москву с самыми мирными целями. Вину за случившееся с посольством фон Крузенштерн, как и Краус, возлагает на Аллегретти, но все же в итоге и бедствия в Лифляндии, и страдания шведских послов оказываются симптомом всеобщего упадка благочестия. Сразу за собственно поэмой (будучи, по сути, ее прямым продолжением)

следуют 15 четверостиший, представляющих собой парафразы на некоторые стихи из 14 и 15 глав Книги пророка Иеремии. Сходство очевидно. Настолько, что Фехнер даже был готов считать истинным автором “Сердечных вздохов” Крауса. Однако Кордт доказал, что это невозможно, так как в не известной Фехнеру полной версии поэмы четко указывается возраст поэта – 60 лет, а как раз столько было фон Крузенштерну в 1657 г.⁷²

Можно здесь вспомнить и акrostих одного из авторов известной хроники о событиях Смутного времени – пастора Мартина Бера. В этом небольшом стихотворении (1610), написанном по-немецки, но озаглавленном по-латыни “Lamentatio”, пастор взывает к Богу с просьбой о защите от смертельной угрозы, которая из-за гнева Лжедмитрия II нависла над оказавшимися в г. Козельске немцами (в хронике подробно рассказывается, как они были спасены благодаря действиям пастора)⁷³.

Но больше всего сходства с “Непокоренным терпением” имеет поэма секретаря упоминавшегося выше многострадального посольства П. Юстена – Маттиаса Шуберта⁷⁴. (Хотя о судьбе П. Юстена и его товарищей Краус знал, сочинение Шуберта ему, судя по всему, не было известно.) Публикаторы этого текста, повествующего о злключениях шведов в негостеприимной России, определили его как “жалобную песнь” (klagodikt), т.е., собственно, lamentацию. Однако на первой странице рукописи (она сохранилась в Государственном архиве Швеции) поэма названа “реляцией”. И действительно, Шуберт главным образом передает внешнюю канву событий, а жалуется на горькую судьбу не так уж много. Эпическое начало у него явно преобладает над лирическим.

У Крауса “жалобы” занимают, конечно, больше места. Однако, на мой взгляд, “Непокоренное терпение” имеет смысл сопоставить не только с lamentацией – жанром, все же в первую очередь предполагающим обращение к внутренним переживаниям человека, апеллирующим к эмоциям. Как минимум, столь же сильно выражено у Крауса стремление к объективности, к достоверному и точному рассказу о случившемся. Причем оно проявляется отнюдь не только в наличии комментариев, но и в основном тексте, о чем свидетельствуют приведенные выше фрагменты поэмы. (Замечу в скобках, что “Непокоренное терпение” вообще представляет собой смешение различных жанров, скажем, фрагмент, посвященный Густаву Бельке, вероятно, правильнее всего определить как панегирик. Впрочем, такая “многослойность” – скорее норма для эпохи жанрового синкретизма.)

Как мне кажется, в данном случае уместна параллель с произведениями “путешественной поэзии”, т.е. с поэтическими рас-

сказами о совершенных путешествиях, своих впечатлениях от них и т.п. Этот жанр, истоки которого лежат в Античности, получил широкое распространение в Европе в XVI–XVII вв. Обычно такие стихотворные сочинения – как на латыни, так и на народных языках – называли *hodoeporica* (от греч. *hodoiporein*, “путешествовать”), хотя само слово применялось и для обозначения прозаических записок о путешествиях (примером является вышеупомянутая книга датского посла Я. Ульфельдта)⁷⁵.

Немецкий литературовед Герман Виганд делит *Hodoeporica* на “элегические”, выражающие преимущественно субъективные переживания поэта, и “эпическо-дескриптивные”, авторы которых стремятся представить объективную информацию⁷⁶. Примеры элегических *hodoeporica* можно обнаружить, например, в творчестве путешественников, посещавших в XVI–XVII вв. Россию. Это послания-памфлеты Джорджа Турбервилля (1540?–1610?), секретаря английского посольства во главе с Томасом Рандольфом (1568–1569)⁷⁷, и, разумеется, знаменитые сонеты ярчайшего представителя немецкого барокко Пауля Флеминга (1609–1640), участника посольства Олеария (1630-е годы)⁷⁸.

А вот “Непокоренное терпение” (опять уточню: первую его книгу) – и, между прочим, поэму Шуберта – правомерно, на мой взгляд, поставить в один ряд с “эпическо-дескриптивными” *hodoeporica*, в которых информационная функция важнее эстетической. Современному читателю, вероятно, кажется по меньшей мере странным такое сочетание поэтической формы и “сухого” содержания. Однако здесь стоит отметить, что в рассматриваемую эпоху были возможны настоящие посольские реляции в стихах. Так, секретарь посольства Льва Сапеги в Москву (1600–1601) Элиаш Пельгржимовски на основе ведшегося им во время поездки прозаического дневника составил поэтическую его версию. Причем он включил непосредственно в стихотворный текст подлинники документы (в прозе). Как подчеркивает польский литературовед Роман Кшивы, Пельгржимовски не ставил перед собой “высоких” художественных целей, для него язык поэзии был всего лишь эффективным средством передачи важной информации⁷⁹.

Краус, однако, не был лишен творческих амбиций, так что его сочинение никак нельзя назвать посольской реляцией (кстати, как и поэму Шуберта). Но вообще говоря, “Непокоренное терпение” – это текст, который пытается быть хотя бы отчасти также и реляцией, а кроме того – и ламентацией, и панегириком, и, наконец (вспомним ссылки на “хроники” и “истории”), историческим трактатом... Такое стремление к всеохватности (что нами зачастую воспринимается как недопустимое или странное смешение

различных жанров) – типично барочная черта. По словам А.В. Михайлова, “поэты эпохи барокко создают, в сущности, не стихотворения, поэмы, романы, – так, как писатели и поэты XIX в., – но они по существу создают *все то*, что так или иначе *войдет* в состав свода – такого, который будет в состоянии репрезентировать мир в его полноте...”⁸⁰.

Именно благодаря данному обстоятельству мы в принципе можем рассматривать сочинения вроде поэмы Крауса как источники фактических сведений. Но для того, чтобы грамотно интерпретировать сведения, извлекаемые из подобного рода поэтических текстов, необходимо также представлять себе место последних в литературной традиции. Это особенно важно, когда речь идет о барочном тексте, ведь, как заметил тот же А.В. Михайлов, “проблемы поэзии и проблемы науки были в ту эпоху не просто близкородственными, но и тождественными – в той мере, в какой они постигаются морально-риторически”⁸¹. И “Непокоренное терпение”, по-моему, является характерным примером такой взаимосвязи.

¹ Он прославился, в частности, как создатель первой “Истории шведской литературы” и составитель списка диссертаций, защищенных в Швеции. См. о нем: *Lindholm L. Lidén, Johan Hinric // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm, 1977–1979. Bd. 22% Königsmarck – Lilja. S. 689–694.* Лиден цит. по изд.: *Bygdén L. Svenskt anonym- och pseudonymlexikon: Bibliografisk förteckning öfver uppdagade anonymer och pseudonymer i den svenska litteraturen: Faksimilutgåva av originalupplagan med rättelser och tillägg samt person- och pseudonymregister. Stockholm, 1974. Bd. 2% L – Ö. Med supplement. Sp. 690.*

² “Плодоносным обществом” называлось немецкое учено-литературное объединение, созданное в 1617 г. в Веймаре по образцу итальянской Академии делла Круска. Общество ставило своей целью унификацию немецкого языка и его очищение от заимствований, диалектизмов и т.п.

³ *Unbemannte Gedult / Oder Trost-Gedancken / In zustossenden Unglück und Gefängnis: Welcher Gestalt sich ein Mensehe darinnen verhalten und aufrichten solle / Zu nebst Gefängnis-Seuftzern / Etlicher geistlicher / Umb Erlösung anhaltender Lieder / Alles in Moskowitischer langwierigen Verhaffung / und erlittenen Elende überwogen und in gebundener Rede gefasset Von einen Liebhaber der hochlöblichen Fruchtbrihenden Gesellschaft / C. K. V. H. S.l., 1659.* (Я пользовался экземпляром из Королевской библиотеки в Стокгольме.) Здесь необходимо отметить, что высказанное мною ранее предположение, согласно которому “unbemannte Gedult” в данном контексте может означать “смирненное терпение” (*Толстиков А.В. Смирненное терпение Кристофа Крууса: шведы в “московитском плену” в 1656-1658 гг. // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Материалы конференции: (г. Архангельск, Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 9–12 сентября 2008 года). М.; Архангельск, 2008. Ч. 1. С. 114*), по всей видимости, является ошибочным. Об авторе, скрывшемся за аббревиатурой С. К. V. H., см. ниже.

- ⁴ Один из современных литературоведов, упоминая об этом сочинении (что, кстати, само по себе большая редкость), называет его “довольно беспомощным” (*Wilpert G. von. Deutschbaltische Literaturgeschichte. München, 2005. S. 93*).
- ⁵ Здесь и далее все даты по старому стилю (Швеция до конца XVII в. продолжала жить по юлианскому календарю, а окончательно перешла на григорианский календарь лишь в 1753 г.).
- ⁶ См. о них: *Wittrock G. Bielke, Gustaf // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm, 1924. Bd. 4: Berndes–Block. S. 231–233; Hildebrand B. von Essen, A. // Ibid. Stockholm, 1953. Bd. 14: Envalsson – Fahlbeck. S. 569–571; Soom A. von Krusenstiern, Philip // Ibid. Stockholm, 1975–1977. Bd. 21: Katarina–Königsmarck. S. 628–631. О фон Крузенштерне см. также: *Krusentiern B. von. Philip Crusius von Krusentiern (1597–1676): Sein Wirken in Livland als Rußlandkenner, Diplomat und Landespolitiker. Marburg an der Lahn, 1976; Dahlgren S. Philip Crusius von Krusenstiern in the Swedish embassy to Russia 1655–1658 // Die baltischen Länder und der Norden: Festschrift für Helmut Piirimäe / Hrsg. von M. Laur und E. Küng in Verbindung mit S.Ö. Ohlsson. Tartu, 2005. P. 172–193*.*
- ⁷ О политической ситуации в середине 1650-х годов в связи с русско-шведскими отношениями см.: *Форстен Г.В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700) // Журнал министерства народного просвещения. 1898. № 2. С. 228–277; № 4. С. 321–354; № 5. С. 48–80; Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.: Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981; Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998; *Kotljarchuk A. In the Shadows of Poland and Russia: The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century. Huddinge, 2006 (<http://www.diva-portal.org/su/abstract.xsql?dbid=973>)*. См. также новейшую публикацию материалов РГАДА и шведского Государственного архива, подготовленную Е.И. Кобзаревой и С. Дальгреном: *Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. М., 2007. С. 9–136*.*
- ⁸ См. секретный королевский мемориал руководителям посольства от 3 июля 1655 г.: *Русская и украинская дипломатия... С. 58 (оригинал), 60 (рус. пер.)*.
- ⁹ См. итинерарий посольства: *Дневник Андерса Траны. 1655–1656 / Пер. со шв. А.М. Галиновой; сост., предисл., коммент. Г.М. Коваленко. Великий Новгород, 2007. С. 123*. Это издание содержит оригинальный текст и русский перевод (который, к сожалению, оставляет желать лучшего) дневника одного из двенадцати драбантов посольства – Андерса Траны (1621–?). Стоит подчеркнуть, что многие фрагменты дневника Траны являются на деле переводом соответствующих мест из знаменитого труда Адама Олеария, посетившего Россию в составе голштинских посольств в 1630-х гг., а затем в 1643 г. По-видимому, Трана был автором шведского перевода Олеария (см. подробнее: *Tarkiainen K. Se vanha vainooja: Käsitykset itäisestä naapurista Iivana Julmasta Pietari Suureen. Helsinki, 1986. S. 135–158*). Кроме текста Траны в указанном издании приводятся также отрывки из дневника другого, неизвестного участника посольства Г. Бьельке. Это перепечатка (в которой, к сожалению, опущены предисловие и комментарии) публикации начала XX в.: *Отрывки из шведского дневника времен царя Алексея Михайловича / Пер. и публ. В. Семенова // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1912. Кн. I, отд. III. С. 3–28 (http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Skandinav/Sweden/Dnevnik_posolstva_1655/text.phtml?id=2509)*.

- ¹⁰ См. материалы этого посольства, члены которого позднее, уже в 1656 г., приняли участие в переговорах между представителями России и Речи Посполитой в Вильно: Русская и украинская дипломатия... С. 234–236, 239–252, 255–263 (публ. И. Шварц и К. Аугустиновича).
- ¹¹ См. датированное 10 января 1656 г. письмо послов членам риксрода в Стокгольме: Там же. С. 74–77.
- ¹² Там же. С. 120–123.
- ¹³ См., например: *Майерберг А.* Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу, в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом / Пер. А.Н. Шемякина. М., 1874. С. 171 (<http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Meierberg2/pred.phtml?id=845>) (по словам Майерберга, “Никон очень уж много давал воли своему жадному до новизны уму, почему и впутал своим опрометчивым советом в Шведскую войну Московию, уже замешанную, по его же настоянию, в Польскую”); Русская и украинская дипломатия... С. 128, 129 (письмо Г. Бьельке от 9 июля 1657 г.: “...все хотят мира, но никто не смеет стоять против патриарха”). См. также: *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 170–171.
- ¹⁴ Кроме указанных в прим. 7 работ об отношениях России, Швеции и Речи Посполитой друг с другом в 1650-е годы см. также о русско-шведской войне 1656–1658 гг.: *Carlson M.* Ryska kriget 1656–1658. Stockholm, 1903; *Fagerlund R.* Kriget i östersjöprovinserna 1655–1661: Operationer och krigsansträngningar på en bikrigsskådeplats under Carl X Gustafs krig. Stockholm, 1979. S. 83–135 (Carl X Gustaf-studier. Bd. 7: Kriget på östfronten. D. 1); *Lappalainen J.T.* Finland och Carl X Gustafs ryska krig: Försvaret av den östra rikshalvan 1656–1658. Stockholm, 1979 (Carl X Gustaf-studier. Bd. 7: Kriget på östfronten. D. 2); *Коваленко Г.М.* Кандидат на престол: Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI–XX веков. СПб., 1999. С. 91–99; *Малов А.В.* Русско-шведская война 1656–1658 гг. и военное строительство в России // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие: Докл. и сообщ. участников междунар. науч. конф., приуроченной к работе в Государственном Историческом музее выставки “Орел и лев. Россия и Швеция в XVII веке” 15–17 мая 2001 г. М., 2002. С. 126–149; *Курбатов О.А.* Русско-шведская война 1656–1658 гг.: проблемы критики военно-исторических источников // Там же. С. 150–166; *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. 2-е изд., испр. М., 2006. С. 294–315. О патриархе Никоне как вероятном инициаторе войны см.: *Лобачев С.В.* Указ. соч. С. 168–173.
- ¹⁵ Русская и украинская дипломатия... С. 120–121 (письмо Г. Бьельке от 20 марта 1656 г.). Об ограничениях свободы передвижения иностранных послов в России см.: *Юзефович Л.А.* Путь посла: Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007. С. 95–108.
- ¹⁶ См.: Riksarkivet. Stockholm (Государственный архив Швеции, далее: RA). *Muscovitica*. Vol. 46 (пагинация отсутствует).
- ¹⁷ Отрывки из шведского дневника... С. 13 (рассказ о чудотворце Антонии Римлянине, по легенде, приплывшем в Новгород на камне), 28 (спор Ю. Брандта и пристава о бритье бород).
- ¹⁸ См. подробнее: *Scheidegger G.* Das Weltbild des Jakov Zagrjažskij: Streiflichter aus einer schwedischen Quelle (1656–1658) // “Primi sobran’ e pestrykh glav”: Slavistische und slavenkundliche Beiträge für Peter Brang zum 65. Geburtstag /

- Hrsg. von C. Gehrke et. al. Bern, 1989. S. 685–702; *Eadem*. Perverses Abendland – barbarisches Russland: Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Missverständnisse. Zürich, 1993. S. 125, 206, 244 и др.
- ¹⁹ См. письмо Г. Бьельке от 10 июля 1656 г. с изложением обстоятельств взятия посольства под стражу: Русская и украинская дипломатия... С. 123–126. См. также: Дневник Андерса Траны. С. 74–79. Г.В. Форстен отмечает, что послы перевели на двор полковника Берендта Рильсека (*Форстен Г.В.* Указ. соч. С. 265).
- ²⁰ О тяготах “московитского плена” и возвращении посольства домой см.: *Соловьев С.М.* Соч.: В 18 кн. М., 1991. Кн. VI: История России с древнейших времен. Т. 11–12. С. 59–61; Русская и украинская дипломатия... С. 126–132 (письма Г. Бьельке от 9 и 31 июля 1657 г.); *Форстен Г.В.* Указ. соч. № 2. С. 231–277; *Krusentiern B. von*. Op. cit. S. 63–67; *Dahlgren S.* Op. cit. P. 182–193.
- ²¹ *Nordwall J.E.* Svensk-ryska underhandlingar före freden i Kardis (1658–61). Uppsala, 1890; *Кобзарева Е.И.* Указ. соч. С. 191–229.
- ²² Правда, судя по обращению нескольких из упомянутых в этом списке лиц, они все еще не получили обещанной компенсации, по крайней мере, в начале 1660-х годов (недатированное письмо на имя короля написано уже после смерти Бьельке, последовавшей в 1661 г.): RA. Muscovitica. Vol. 49 (пагинация отсутствует; копия списка Бьельке приложена к этому письму).
- ²³ *Fechner A.W.* Ein neuentdeckter livländischer Dichterling // *Baltische Monatsschrift*. Riga, 1885. Вв. 32. S. 427–437. В статье также опубликованы некоторые фрагменты из первой книги поэмы.
- ²⁴ *Unbemannte Gedult*. S. 366, 411.
- ²⁵ *Ibid.* S. 82.
- ²⁶ *Fechner A.W.* Op. cit. S. 434–435. Ср., однако, отношение фон Крузенштерна к Лифляндии как к родине, хотя сам он родился в Германии (см. ниже прим. 71).
- ²⁷ *Bygdén L.* Op. cit. Sp. 690. Автор ссылается на рукописные пометы на экземпляре “Непокоренного терпения” из Королевской библиотеки в Стокгольме.
- ²⁸ Так автор “Непокоренного терпения” именуется в шведской национальной библиографической базе данных: <http://libris.kb.se/bib/2516529?vw=full>.
- ²⁹ Так, прилагательное “kraus” (кудрявый, курчавый, завитой) в нижненемецком превращается в “kruus”: *Adelung J.Ch.* Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart. Leipzig, 1796. Вв. 2. S. 1758 (<http://www.zeno.org/Adelung-1793>).
- ³⁰ *Bygdén L.* Op. cit. Sp. 690.
- ³¹ Здесь я должен исправить еще одну свою ошибку – неоправданное отождествление Крауса с Кристофером Краузе, шведским дипломатом, принимавшим участие в Валиесарских переговорах с русскими представителями в 1658 г.: *Толстиков А.В.* Русское православие в политике и политической риторике Швеции (первая половина XVII в.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 81, 83. Известно, что в конце ноября – начале декабря 1656 г., когда Краус находился в Москве, Краузе по поручению ливляндского генерал-губернатора Магнуса Делгарди вел в Курляндии переговоры с А.Л. Ординым-Нащокиным (см.: *Кобзарева Е.И.* Указ. соч. С. 140). Очевидно, речь идет о двух разных людях.
- ³² *Unbemannte Gedult*. Vorrede. (Поскольку пагинация в предисловии отсутствует, здесь и далее ссылка дается на этот раздел в целом, без указания страниц.)
- ³³ *Fechner A.W.* Op. cit. S. 435.
- ³⁴ *Unbemannte Gedult*. S. 97–349.

- ³⁵ В дальнейшем, говоря о “Непокоренном терпении”, я буду иметь в виду прежде всего первую книгу поэмы.
- ³⁶ Unbemannte Gedult. S. 9.
- ³⁷ См.: Юзефович Л.А. Указ. соч. С. 90.
- ³⁸ Unbemannte Gedult. S. 10.
- ³⁹ Ibid. S. 87.
- ⁴⁰ *Kelch Ch.* Liefländische Historia, oder Kurtze Beschreibung der Denkwürdigsten Kriegs- und Friedens-Geschichte Esth- Lief- und Lettlandes... Reval, 1695. S. 569 (<http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=47850&dirds=1&tab=1>); *Lünig J.Ch.* Theatrum Ceremoniale Historico-Policum, Oder Historisch- und Politischer Schau-Platz Aller Ceremonien, Welche bey Päbst- und Käyser-, auch Königlichen Wahlen und Crönungen... Ingleichen bey Grosser Herren und dero Gesandten Einholungen... beobachtet werden. Leipzig, 1719. Bd. I. S. 646 (<http://diglit.uni-heidelberg.de/diglit/drwLuenig1719>). С. Дальгрэн, отмечая, что эпизод с падением пристава вошел в книгу Люнига, ошибочно полагает, что речь идет о встрече послов на въезде в Москву (*Dahlgren S.* Op. cit. P. 179).
- ⁴¹ Unbemannte Gedult. S. 11, 16, 17.
- ⁴² Ibid. S. 18, 88.
- ⁴³ Ibid. S. 21, 22, 89.
- ⁴⁴ Ibid. S. 22, 89.
- ⁴⁵ Ibid. S. 20–21.
- ⁴⁶ Ibid. S. 23–32.
- ⁴⁷ Ibid. S. 42.
- ⁴⁸ Ibid. Vorrede, s. 79, 94.
- ⁴⁹ См.: Tarkiainen K. De ryska “nationalegenskaperna” enligt svensk uppfattning i början av 1600-talet // *Historiska och litteraturhistoriska studier*. Helsingfors, 1973. B. 48. S. 18–61; Коваленко Г.М. Указ. соч. С. 165–177.
- ⁵⁰ Unbemannte Gedult. S. 13–15, 19.
- ⁵¹ См. подробнее: *Толстиков А.В.* Русское православие в шведской внешнеполитической риторике и пропаганде в первой половине XVII в. // *Всемирная история: Сб. статей молодых ученых*. М., 2002. С. 62–83.
- ⁵² Unbemannte Gedult. S. 14–15, 88.
- ⁵³ Ibid. Vorrede.
- ⁵⁴ Ibid. S. 62.
- ⁵⁵ Ibid. S. 91.
- ⁵⁶ Между прочим, известный шведский историк и библиограф Карл Густав Вармхольц (1710–1784), которому было известно о существовании “Непокоренного терпения”, считал упомянутые ошибки доказательством нешведского происхождения анонимного автора: *Warmholtz C.G.* Bibliotheca historica sueo-gothica; eller förteckning uppå så väl trykte, som handskrifne böcker, tractater och skrifter, hvilka handla om svenska historien, eller därutinnan kunna gifva ljus; med critiska och historiska anmärkningar. Uppsala, 1817. D. 14. S. 92 (http://books.google.com/books?id=s-0tAAAAIAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_summary_r&cad=0).
- ⁵⁷ Unbemannte Gedult. S. 76–85, 94–96.
- ⁵⁸ О похожей на приключенческий роман жизни принца Густава см.: *Biaudet H.* Gustaf Eriksson Vasa prince de Suède: Une énigme historique du 16e siècle. Genève, 1913; *Arnell S.* Karin Månsdotter: Tolv kapitel om en drottning och hennes tid. Stockholm, 1951. S. 76–77, 86–87, 130–131, 156–168, 175–179; *Boras Z.* Gustaw Eryksson Waza i jego żywot tułaczy. Poznań, 1985; *Богданов А.П.* Свидетельства об авторе и героях книги // *Вельтман Е.И.* Приключения королевича Густава

- Ириковича, жениха царевны Ксении Годуновой. М., 1992. С. 21–55; *Коваленко Г.М.* Указ. соч. С. 41–46.
- ⁵⁹ *Юстен П.* Посольство в Московию, 1569–1572 гг. / Пер. с фин. Л.Э. Николаева. СПб., 2000.
- ⁶⁰ *Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию / Отв. ред. Дж. Линд, А.Л. Хорошкевич; Пер. Л.Н. Годовиковой; Ред. пер. В.В. Рыбаков. М., 2002.
- ⁶¹ *Unbemannte Gedult.* S. 83–84.
- ⁶² См.: *Thou J.A., de.* Iac. Aug. Thuani Historiarum sui temporis. P., 1604. Pars I; 1606. Pars II; 1607. Pars III; 1608. Pars IV; *Рюссов Б.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. II. С. 159–352 (<http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Russow/titel.phtml?id=1283>); *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961 (<http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Bussow/pred.phtml?id=210>); *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 153–472 (<http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Petrej2/vved.phtml?id=1090>).
- ⁶³ *Unbemannte Gedult.* Vorrede.
- ⁶⁴ *Ibid.* S. 5–6.
- ⁶⁵ *Ibid.* S. 35.
- ⁶⁶ *Ibid.* S. 96.
- ⁶⁷ *Tarkiainen K.* Se vanha vainooja. S. 157.
- ⁶⁸ *Unbemannte Gedult.* S. 24.
- ⁶⁹ *Ibid.* S. 86.
- ⁷⁰ *Cordt B.* Philipp Crusius von Krusenstiern. Ein rehabilitirter baltischer Dichter. Dorpat, 1887; *Dahlgren S.* Op. cit. P. 189–191. Небольшой отрывок из поэмы фон Крузенштерна был еще в начале XVIII в. включен Кельхом в продолжение его “Лифляндской истории”, которое, однако, было издано лишь в XIX в. (*Cordt B.* Op. cit. S. 4).
- ⁷¹ Любопытно, что, как подчеркивает С. Дальгрэн (*Dahlgren S.* Op. cit. P. 189), фон Крузенштерн, родившийся в Германии (в Айслебене) и служивший голштинскому герцогу, а затем шведскому королю, называет своей родиной именно Лифляндию (с 1639 г. фон Крузенштерн жил в Ревеле).
- ⁷² *Fechner A.W.* Op. cit. S. 436–437; *Cordt B.* Op. cit. S. 2–11.
- ⁷³ *C. Bussovii Chronicon // Rerum rossicarum scriptores exterii.* Сказания иностранных писателей о России. СПб., 1851. Т. 1. С. 105–110, 135–136 (собственно lamentация, текст которой в русском переводе отсутствует) (<http://books.google.com/books?id=BBc8AAAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=ru>); *Буссов К.* Указ. соч. С. 169–174.
- ⁷⁴ *Klagodikt över en svensk beskiknings lidanden i Ryssland under åren 1569–1572 // Historisk tidskrift.* 1888. N 1. S. 79–89. Интересно, что к сочинению приложен список имущества, которое было отнято у Шуберта. Перепечатку оригинального текста (включая список имущества) и выполненный Л.М. Николаевой русский перевод (к сожалению, с некоторыми лакунами) см. в изд.: *Юстен П.* Указ. соч. С. 186–207.
- ⁷⁵ См. об этом жанре: *Wiegand H.* Hodoeporica: Zur neulateinischen Reisedichtung des sechzehnten Jahrhunderts // *Der Reisebericht: Die Entwicklung einer Gattung in der deutschen Literatur / Hrsg. von P.J. Brenner.* Frankfurt. M., 1989. S. 117–139 (книга того же автора осталась мне, к сожалению, недоступной: *Idem.* Hodoeporica. Studien zur neulateinischen Reisedichtung des deutschen Kulturraumes im 16. Jahrhundert: Mit einer Bio-Bibliographie der Autoren und Drucke. Baden-Baden, 1984); *Krzywy R.* Od hodoeporikonu do eposu peregrynackiego: Studium z historii form literackich. W-wa, 2001.

- ⁷⁶ *Wiegand H.* *Nodoerogica*. S. 120.
- ⁷⁷ См. публикацию подстрочного перевода А.А. Севастьяновой и поэтического переложения В.Н. Козлякова в изд.: *Горсей Дж.* Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 245–275.
- ⁷⁸ О Флеминге см.: *Алексеев М.П.* Немецкий поэт в Новгороде XVII века // Известия АН СССР. VII сер. Отд. общественных наук. М.; Л., 1935. № 6. С. 539–572; *Он же.* Пауль Флеминг в Москве и на Волге // Дипломаты-писатели; писатели-дипломаты. СПб., 2001. С. 29–58 (первая публикация статьи, написанной в 1927–1930 гг.); *Володарский В.М.* Пауль Флеминг – первый немецкий автор сонетов о Московии // Россия и Германия. М., 2007. Вып. 4. С. 9–21.
- ⁷⁹ *Krzywu R.* Op. cit. S. 194–201. Сохранившийся не полностью текст прозаического дневника посольства был опубликован на русском языке в переводе И. Шпилевского: *Пельгржимовский-Пелеш И.* Описание посольства Льва Сапеги в Москву в 1600 году / Журнал Министерства народного просвещения. 1850. Ч. LXVIII. Отд. II. С. 91–122 (<http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Peles/text.phtml?id=1078>).
- ⁸⁰ *Михайлов А.В.* Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // *Михайлов А.В.* Языки культуры: Учебное пособие по культурологии. М., 1997. С. 120–121.
- ⁸¹ Там же. С. 126–127.